

О пародии у древних. Иоганн Вольфганг Гёте

Как трудно нам освобождаться от привычных представлений, в особенности когда надо перенестись в мир более высокий и для нас недоступный, ясно можно себе представить лишь после многочисленных попыток, иногда тщетных, иногда же и увенчивающихся успехом.

Я с юных лет старался освоиться с духом греческой мысли, и достойные люди говорят, будто это в известной степени мне и удалось. Здесь я хочу напомнить только о еврипидовском образе Геркулеса, который я однажды противопоставил новейшему и притом вовсе не плохому его изображению.

В этом своем стремлении вот уже в течение пятидесяти лет я продвигаюсь вперед и никогда, в дороге, не выпускал из своих рук путеводной нити. Но за это время я не раз сталкивался с множеством препятствий и лишь с трудом пересиливал свою северную натуру и свойственное мне как немцу убеждение, будто все, выходящее из рук греческого поэта, является чистой монетой, тогда как в иных случаях мы имеем дело лишь с выкупом и платежом до срока.

Так, в частности, мне было весьма досадно читать и слышать, что у древних, вслед за великолепными и непомерно волнующими драмами, тут же в заключение давался еще и шутовской фарс.

И вот мне хочется поведать, каким образом я примирился с подобным положением вещей и как мне удалось разгадать ранее непонятную для меня загадку. Быть может, это послужит кому-нибудь на пользу.

Греки, будучи народом общительным, охотно говорили сами и в качестве республиканцев не менее охотно слушали других. В конце концов они настолько привыкли к публичным речам, что бессознательно усвоили ораторское искусство, сделавшееся для них чем-то вроде потребности. Этот элемент был в высшей степени благоприятен для драматурга, желающего изобразить на сцене высшие человеческие интересы и достаточно точно и веско выразить различные мнения партий с помощью реплик и контрреплик. Если он успешно пользовался этим средством уже в своих трагедиях, с полной, хотя бы и воображаемой, серьезностью соперничая в них с заправскими ораторами, то, быть может, еще большее значение оно имело для комедии, ибо, обращаясь с подлинным художественным умением к изображению низменных предметов, поэт создавал произведения высокого стиля, нечто непонятное и вызывающее в нас удивление.

От всего низменного и безнравственного человек образованный отходит с отвращением. Но он приходит в тем большее изумление, когда низменный предмет преподносится ему так, что от него нельзя оторваться, более того, — что он оказывается вынужденным принять его, и притом с чувством удовлетворения. Все это вполне подтверждается на примере Аристофана. Но мы можем показать это и на «Циклопе» Еврипида, стоит только вспомнить об искусной речи Улисса, все же совершающего ошибку, забывая, что он имеет дело с грубейшим из существ. Циклоп, напротив, аргументирует вполне искренне и правдиво и, решительно опровергая своего противника, сам остается неопровержимым. Мы поражаемся здесь величию искусства — ибо непристойное перестает быть таковым и только заставляет нас убеждаться в достоинствах искусного поэта.

Вот почему мы не должны представлять себе эти заключительные комические пьесы древних в виде фарсов или карикатурных водевилей нашего времени, ни тем более в виде пародий и травести, как мы ошибочно могли заключить, судя по некоторым стихам Горация.

Нет, у греков все сделано из одного куска, все выдержано в высоком стиле. Тот же мрамор, та же бронза шли на изготовление и Зевса и Фавна, и единый дух сообщал всему подобающее величие.

У древних мы никогда не встречаемся с пародийностью, которая бы снижала и опошляла все высокое и благородное, величественное, доброе и нежное, и если народ находит в этом удовольствие — это верный симптом того, что он на пути к нравственному упадку. Напротив, все грубое, дикое, низменное, словом все, что составляет противоположность божественному началу, здесь, благодаря мощи искусства, возвышается до той степени, когда мы начинаем с сочувствием относиться к нему как к чему-то причастному высшему проявлению духа.

Комические маски древних, дошедшие до нашего времени, по своему художественному значению не уступают трагическим маскам. У меня самого находится в личном владении маленькая комическая маска из бронзы, которую я не променяю на слиток золота, ибо она ежедневно, нагляднейшим образом напоминает мне о высоком духе, оживлявшем все творения греков.

Подобного рода примеры можно отыскать не только у драматургов, но и в изобразительных искусствах.

Могучий орел времен Мирона или Лизиппа только что опустился на скалу, держа в своих когтях двух змей; его крылья еще распростерты, его дух тревожен, — ведь эта живая, борющаяся добыча для него опасна. Змеи обвили его ноги, и их извивающиеся жала напоминают о смертоносных зубах.

А тут же рядом, на заборе, сложив свои крылья, уселся сыч с крепкими когтистыми лапками; он поймал несколько мышей — и те, бессильно обвив своими хвостиками его лапки, еле слышным писком оповещают о не прекратившейся в них жизни.

Теперь представьте себе эти два создания искусства поставленными рядом. Тут нет ни пародии, ни травести — один и тот же великий художник, в одном и том же возвышенном стиле изобразил высокое и тут же низменное порождения природы. Это — параллелизм противоположностей, который нас радует, когда мы имеем дело с отдельными творениями, и заставляет нас изумляться при их сопоставлении. Это отличная задача для молодого скульптора.

К подобным же результатам мы приходим, сравнивая «Илиаду» с «Троилом и Крессидой». Тут также нет ни пародии, ни травести. Как упомянутые выше сыч и орел являются двумя противоположными явлениями природы, так здесь мы имеем дело с двумя различными видениями минувшего. Греческая поэма написана в высоком стиле — а поэтому покоится в себе, ограничивается при описаниях и сравнениях от всяких прикрас, основываясь исключительно на возвышенных мифологических преданиях. Напротив, мастерское английское произведение надо рассматривать как удачную переделку и пересказ великого произведения в романтически-драматическом роде.

При этом мы отнюдь не должны забывать, что эта вещь во многом обязана своим существованием позднейшим преданиям, уже спустившимся до прозы, до полупоэзии.

Но в таком виде она настолько оригинальна, что невольно забываешь о существовании античного прототипа. Надо было воистину обладать основательной серьезностью и выдающимся талантом великого старца, чтобы отображать со столь замечательной легкостью таких людей и такие характеры, тем самым открывая позднейшим поколениям новые стороны человеческой природы.

Комментарии

Наброски, опубликованные посмертно в томе 46 Сочинений Гете в 1833 году. Заслуживают внимания мысли Гете о комическом, о чем он писал гораздо реже, чем о трагедии. Первый отрывок написан в 1823, второй (от слов: «Подобного рода примеры...») — в 1826 году.

Образ Геркулеса. — Гете имеет в виду образ Геркулеса в трагедии Еврипида «Алкеста». Он противопоставил его образу Геракла у Виланда в своей пародии «Боги, герои и Виланд» (см. т. 4 наст. изд.).

...было весьма досадно читать... что у древних вслед за... драмами, тут же в заключение давался еще и шутовской фарс. — Гете читал об этом в статье Германа; см. статью «Трагические тетралогии греков» и коммент. к ней.

Травести — комическое переименование серьезного сюжета.

Мирон и Лизипп — древнегреческие скульпторы V в до н. э.

«Троил и Крессида» — трагикомедия Шекспира, в которой пародийно обыграны элементы сюжета «Илиады».

А. Аникст